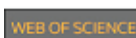

Султанова Х. Р. Роль и функции фольклорно-мифологических элементов в творчестве М. А. Сабира / Х. Р. Султанова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 297—308. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308.

Sultanova, Kh. R. (2020). Role and Functions of Folklore and Mythological Elements in the Work of M. A. Sabir. *Nauchnyi dialog*, 10: 297-308. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308. (In Russ.).

УДК 821.512.162:398.3

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-297-308

РОЛЬ И ФУНКЦИИ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. САБИРА

© Султанова Ханым Рза кызы (2020), orcid.org/0000-0003-0779-9540, доктор философии по филологии, проректор, Бакинский славянский университет (Баку, Азербайджан), sultanovaxanim@gmail.com.

Рассматриваются фольклорно-мифологические традиции в творчестве выдающегося поэта-сатирика конца XIX — начала XX веков М. А. Сабира. Отмечается, что современное сабиrowедение объединяет ученых из Азербайджана, России и других стран, которые обращаются к исследованию произведений поэта. Представлены результаты анализа ряда поэтических произведений Сабира, в которых автор использует фольклорно-мифологические элементы как прием, который усиливает сатирическое звучание его текстов. Автор полагает, что Сабир, благодаря включению в число персонажей представителей демонического мира (хортдан, дам-дабаджа, джин, джан, Баба Яга), подчеркивает силу влияния на людей веры в потусторонние силы, таким образом высмеивая косность мышления, нежелание развиваться, идти в ногу с прогрессом. Показано, что Сабир создает реалистичные отрицательные социальные типы: стяжателей, невежд и т. д. Особое внимание уделяется малым фольклорно-мифологическим жанрам (проклятие, благословение, примета), которые служат свидетельствами веры человека в магическую силу слова. Отмечается, что изучение фольклорно-мифологических элементов в сатирических произведениях Сабира имеет перспективу.

Ключевые слова: мифопоэтические элементы; сатира; приём; мифологические персонажи; образцы азербайджанской поэзии; мифологические тексты; письменная литература; фольклор.

1. Введение

Творческое наследие Мирзы Алекпер Сабира наиболее часто становится объектом анализа в азербайджанском литературоведении. Его произведения вскоре после их появления в печати стали широко известны не только в Азербайджане, но и в других странах. Они были опубликованы в Тбилиси, Санкт-Петербурге, Астрахани, Стамбуле, Берлине и оказали большое влияние на развитие жанра общественной сатиры.

Сабироведение, начало которому было положено Дж. Мамедгулузаде [Мамедгулузаде, 2015], Ф. Кочарли [Кочарли, 2014], А. Саххатом [Саххат, 2005], получило дальнейшее развитие в трудах других азербайджанских исследователей. Мамед Мамедов [Мамедов, 1990], Джафар Хандан [Хандан, 1962], Аббас Заманов [Заманов, 1973], Тофик Гаджиев [Гаджиев, 1980] и многие другие литературоведы XX века, в том числе исследователи XXI столетия [Байрамова, 2013; Каграманова, 2012 и др.], в своих статьях и монографиях, посвященных произведениям Сабира

либо вопросу его влияния на творчество других писателей, раскрывают секреты мастерства великого поэта-сатирика и говорят о его беспрецедентном вкладе в развитие азербайджанской литературы. Так, профессор М. Мамедов в своем исследовании, посвященном творчеству поэта, «Сабир: споры, истины», пишет: «С полной ответственностью можно сказать, что нет ни одного важного общественно-политического события или бытового вопроса, произошедшего в начале нашего века, которое бы не получило своего художественно-сатирического отображения в творчестве Сабира. Сатиру Сабира можно сравнить с зеркалом, чётко отражающим жизнь и борьбу людей со всеми их типичными проявлениями» [Мамедов, 1990, с. 3].

В русле сабироведения рассматриваются разные аспекты жизни и творчества поэта: мастерство сатирического отображения жизни в его произведениях, языковые и стилистические особенности стихов, связь его поэзии с фольклором, публицистическая деятельность Сабира, его литературные, философские, экономические и педагогические взгляды. Тем не менее и сегодня существуют еще не изученные стороны творчества этого незаурядного мастера слова.

Одной из проблем, оставшейся вне поля зрения исследователей творчества Сабира, является вопрос о мифопоэтических взглядах, воплощенных в его сатире, в чем видится новизна данного исследования. Мифопоэтика являет собой не только «художественную систему, основанную на мотивированном обращении к мифологическим моделям», но и одновременно «... метод исследования таких явлений» [Крылов, 2003, с. 163—164].

Поэт продемонстрировал особый подход к мифопоэтической модели в поэзии, включая в свои произведения мифологемы в уникальной, неповторимой стилистической манере. В его сатиру органично вплетаются клятвы, прославления, проклятия, которые подчеркивают сатирическую стилистику произведений. Можно с уверенностью сказать, что никому ещё в азербайджанской поэзии не удавалось так органично использовать данные жанры в поэтической структуре произведения. Включая мифологические образы в сатирический контекст, Сабир подчеркивает отношение к предмету речи своего лирического героя.

Азербайджанские поэты XX века: А. Сиххат, М. Хади, А. Шаиг, Х. Рза, Ч. Рза, С. Вургун и другие — также широко обращались в своём творчестве к мифологии. Однако, как правило, мифопоэтические элементы вводились ими в повествование с целью создания лирической интонации произведений. Сабир включает в свою поэзию народные предания, верования, элементы древних народных традиций, им упоминаются мифические образы джина, чёрта, ангела, хоху, хортдана, дамдабаджа и т. п. Но он с помощью этих персонажей стремится подчеркнуть сатирический характер типов, выведенных им в качестве объектов смеха.

2. Мифологемы в творчестве Сабира

Мифологическая составляющая творчества поэта обусловлена народным характером его произведений, которые написаны языком, понятным представителям всех слоёв населения. Кроме того, сами персонажи — простые люди, которые, как правило, верят в мифы почти на уровне первобытного человека. Такая вера в свер-

хвещественное, художественно обыгранная поэтом, не только порождает у читателя смех, но и заставляет его задуматься.

Упоминание в произведениях простыми людьми джинов, чертей, драконов, вампиров призвано наводить на окружающих страх. Включение таких реплик в речь персонажей свидетельствует о близости автора сатир духу своего народа, о том, что он знает мифологический пласт родной ему культуры. Одной из особенностей поэзии Сабира является разнообразие персонажей как типов людей, отличающихся друг от друга характером, социальным статусом и мировоззрением. Если перед писателем стоит задача передать невежество, уродство, пошлость, отсталость персонажа, то для этого он нередко привлекает мифологические образы. Дж. Хандан считал, что «разнообразие сюжетов и тем — один из главных признаков того, что народный поэт очень хорошо знает жизнь своего народа» [Хандан, 1962, с. 109].

Включение в текст мифологических образов — традиционно используемый Сабиром художественный прием. Вводя в реплики героев, в ткань художественного произведения демонологических персонажей, он апеллирует к мифологической памяти, поэтому не даёт развернутых пояснений по поводу того, что представляя собой эти образы, довольствуясь лишь упоминанием их имён. Приведем несколько примеров. Так, поэт передает страх, который испытывает молодая девушка при виде своего старого жениха, и ее мольбы, обращенные к *хандосту* (один из персонажей, близких героине), в которых она сравнивает жениха с вампиром (*хортданом*) или страшилой (*хоханом*).

Xandostu, amandı, qoyma gəldi.

Xortdandı- xoxandı, qoyma gəldi [Сабир, 1980, с. 42].

Подстрочный перевод:

Хандосту, прошу, не пускай его ко мне.

Он хортдан, он хохан, не пускай его ко мне.

В стихотворении «Боюсь» Сабир даёт указание на место обитания хортданов:

Məqbəralərdə edirəm gah məkan,

qəbirdə xortdan görürəm, qorxmuram [Там же, с. 93].

Подстрочный перевод:

Я бываю иногда в гробницах,

Вижу в могилах хортданов, не боюсь.

Человека, который вышел из могилы, считают изгнанным с того света. Согласно поверьям, такой человек, разгуливающий в саване, способен на многое: бежать с большой скоростью, седлать лошадей, пользоваться оружием, совершать разбойные нападения, преграждать дорогу. Чтобы обезопасить себя от нападения хортдана, надо, проходя мимо кладбища, читать молитву.

В стихотворении «*Ey fələk, zülmün əyandır ...*» («О, судьба, сколько же ты приносишь мне страданий») автор даёт любопытный совет молодым матерям: хорошо бы им знать по именам некоторых мифологических персонажей, таких как хоху,

хортдан, дамдабаджа, рассказывать о них детям, даже пугать ими своих детей. Например, демоническим персонажем является *дамдабаджа*, чье название образовано путем сочетания слов *дам* ‘кровля’ и *баджа* ‘дымоход’, и кем бы ни был тот, кто спускается с крыши по дымоходу, он в представлении людей выглядит устрашающе: весь чёрный, в саже. В азербайджанских народных сказках дамдабаджа — это грязное, безобразное, отвратительное существо. Если в них мы видим сравнение «девушка была как дамдабаджа», то это означает, что она была безобразна. Образ *дамдабаджа* чаще всего встречается в фольклоре населения Ширвана и Нахчыванской Автономной Республики Азербайджана. Присутствие этих образов в сознании людей и их репрезентация в фольклорных текстах прямо зависят от национальной картины мира. Как утверждает автор турецкого мифологического словаря Дж. Бейдили, «национальное самосознание — это один из основных признаков мифологического мышления» [Байдили, 2003, с. 255].

Итак, Сабир в своей сатире «*Ol gün ki sənə xəlq edər lütf bir övlad*» («В тот день, когда тебе будет подарено дитя») советует матерям:

*Ağlarsa uşaq dərdinin axtarma dəvasın,
Ancaq söy anasın;
Qorxuzsun o da damdabaca ilə çağasın,
Kəssin də sədasın* [Сабир, 1980, с. 19].

Подстрочный перевод:

Если плачет ребёнок, не ищи лекарства,
Ругай его мать;
Пусть пугает своего малыша дамдабаджой,
Чтобы он перестал кричать.

В числе мифологических существей, присутствующих в произведениях Сабира, есть *джин* и *джан*, которые тоже нагоняют страх на людей. Так, в сатире «Боюсь» автор говорит:

*Mənzil olur gah mənə viranələr, —
Cin görürəm, can görürəm, qorxmuram* [Там же, с. 93].

Подстрочный перевод:

Порой моё жилище превращается в трущобы, —
Вижу джинов, вижу джаны, но не боюсь.

Джина и *джана* нельзя отождествлять. Традиционно *джины* представляются в тюркской мифологии как невидимые существа маленького роста, которые живут в хтонических сферах, боятся Корана и имени Бога, могут менять поведение людей. В мифологической системе взглядов азербайджанцев этот образ представляет как силы добра, так и силы зла. Отметим, что это очень распространенный персонаж в азербайджанской поэзии.

Другим демонологическим персонажем в сатире Сабира «Боюсь» является *джан*. По одному из поверий алтайцев, *джан* (‘душа’) ребёнка хранится на не-

бесах, в месте, называемом Сют-аг-гёль (молочно-белое озеро). В тот момент, когда ребёнок рождается, Творец забирает эту душу и вкладывает в его тело. Чтобы человек умер, достаточно, чтобы дающий силу его телу *джан* покинул его. Корни поэтического выражения «Птица джана» связаны с этими древними представлениями. *Джан* в алтайских сказках изображается в виде чёрного беркута, летящего над войском во время походов. Этот чёрный беркут представляется как *джан* войска. Победить войско можно лишь убив беркута [Байдили, 2003, с. 73—74].

Кроме того, *джан* имеет значение ‘дух’. Согласно представлениям древних тюрков, *джан* выходит из тела в форме короткой нити и, если человек безгрешен, эта нить улетает в небо [Там же, с. 362]. Получается, что *джан* греховного человека не улетает на небо, а блуждает на земле. Нужно отметить, что «грешный дух», «обиженный дух», «демон» и другие подобные образы как носители зла встречаются в произведениях мировой литературы, например в поэзии Пушкина, Лермонтова, Шекспира. В мифологии же такой дух материализован в образе *джан* [Баскаков, 1973, с. 108—114].

Итак, по поверью, по земле иногда блуждают *джаны* греховных людей, которые в силу своей греховности обладают демонологическими чертами. Во многих регионах Азербайджана от людей пожилого возраста можно услышать выражение в адрес людей, испытывающих стрессы, *ruh tutub* (‘его дух держит’) — в соответствии с представлениями о *джанах*, разгуливающих по земле.

Как бы в ответ на страхи людей перед мистическими образами *джан* и *джин* в своих произведениях Сабир говорит о том, что они слабы перед людьми, имеющими настоящую веру: *Cin görürəm, can görürəm qorxmuram* (Вижу джина, вижу джаны, не боюсь).

Многочисленные поверья, гадания, заговоры, привороты, образы (джины, шайтаны и т. п.), имеющие мифологические корни, широко используются в сатире Сабира. Их включение в тексты является своеобразным художественным приёмом, с помощью которого поэт-сатирик обнажает уродливые явления своего времени. В сатирах «Советы Бабы-Яги девушкам», «Боюсь», «Ханбаджи, разрывается сердце от тоски», «Какое время было для удовольствий», «Три жены» поэт с помощью мифологических персонажей, которые вмешиваются в жизнь людей, создаёт панораму трудной жизни народа.

Так, Баба-Яга существует для того, чтобы создать хаос в мире. Из ее уст звучат призывы к воровству, безделью, равнодушию, к получению от жизни удовольствий. Она дает советы по поводу того, как молодая жена должна относиться к мужу:

Cin yuxuladı, əl qat cibinə zər dediyindən

Öz rəngini yandır.

Fürsət ki olur cəngini vur hər gecə məxfi

Fərrarəlik öyrəş! Ta bilməyə şeytan da götürdün necə məxfi

Əyyarəlik öyrəş! [Сабир, 1980, с. 45]

Подстрочный перевод:

Как только заснёт, залезь к нему в карман,

Сделай своё дело.

Как только представится возможность,
Учись воровать.
И делай это так, чтоб сам шайтан не догадался.

В азербайджанских сказках Баба-Яга — волшебный и притом безобразный персонаж. Она может быть видимой и невидимой, но почти всегда это существо, которое вредит людям, вносит раздор в отношения. Баба-Яга сама признается, что, долго живя на этом свете, доказала людям, что способна на зло, хитрости, уловки, которыми можно «заполнить» весь мир: *Doldursam əgər məklər ətrafi-cəhəri Bir boş yeri qalmaz* [Там же] (букв. Если я заполню ловушку, вокруг не останется пустого места). В подтверждение своего могущества Баба-Яга сравнивает себя с другими силами зла (колдунами, джинами, шайтанами и т. п.), заявляя, что она превосходит их силой и существует для того, чтобы создать хаос в мире. Хотя в произведении «Советы Бабы-Яги девушкам» влияние злых сил на жизнь человека показано на примере одного дома, одной семьи, однако можно рассматривать это как модель общества в целом.

Противостоящая прогрессу и знаниям власть мифического, темного над простым человеком изображена в произведениях Сабира сатирически на примере веры в гадалок. Известно, что, когда заболел ребёнок, призывалась гадалка. Герой в стихотворении Сабира, говоря «*Xanbibim falçı*» (Моя тётя — гадалка), испытывает особую гордость [Там же, с. 172]. Но откровенная ирония звучит в стихотворном призыве предпочесть врачебной помощи веру в чудо исцеления:

*Gər dəysə soyuq, sancılanıb olsa da bimar,
Hökm et gələ cindar;
Göstərmə təbibə o ciyərguşəni zinhar,
Qoyma ola murdar; — söyləyir* [Там же, с. 19].

Подстрочный перевод:

Если ребёнок простудился,
Позови джиндара,
Не показывай лекарю своё дитя,
Чтоб не коснулась его нечисть.

Описывая различные ритуалы гадания, Сабир осмеивает тех, кто сверх меры верит в них, доверяя гадалкам свои здоровье и жизнь. Он подвергает резкому осмеянию искусство гадания и джиндарство, оценивая их как суеверие и предрассудки. Однако, с другой стороны, поэт как бы даёт им новую жизнь и показывает, что они сохранились в памяти азербайджанского народа.

В том, что мифические предания до сих пор являются частью повседневной жизни людей. Вера в гадания, являющаяся мишенью сатиры Сабира, в мифологическом сознании азербайджанского народа занимает значительное место. Нельзя отрицать тот факт, что сегодня во всех регионах Азербайджана есть люди, активно занимающиеся гаданием, некоторые из них приглашаются на различные телевизионные программы. И хотя гадание считается грехом в исламской религии, но как

один из ритуалов, сохраненных в шаманизме, принимается на веру многими азербайджанскими тюрками. Поэтому вера в гадания получила широкое отражение в национальной литературе, независимо от жанра. Кроме того, исследовательская позиция предполагает не осуждение, а рассуждение, осмысление истоков и сущности мифологического сознания, ср. мнение Дж. Байдили: «В сущности, если они (мифические поверья. — Х. С.) живы, определяют этнические стереотипы, отвечают тем или иным требованиям жизни этноса, значит, их нельзя рассматривать как предрассудки, пережитки прошлого, потому что ни одна этнокультурная традиция, будучи саморазвивающейся и саморегулирующейся системой, не стремится силой сохранить то, что должно перестать существовать и уйти в прошлое» [Байдили, 2003, с. 253].

Таким образом, в сатирических произведениях Сабира введение фольклорно-мифологических персонажей служит характеристике мировоззрения народа в целом. Поэт показывает, что человек верит в существование сверхъестественных существ, их влияние на людей, способность навредить и одновременно способность помочь в болезни, но в то же время сатирическая тональность строк, возникающая при описании демонически персонажей и магических действий, намекает, что у человека есть выбор: дать ребенку лекарство, позвать врача, не бояться джинов и джанов.

3. Жанры благословения, проклятия и приметы в творчестве Сабира

Герои произведений Сабира нередко произносят благословения и проклятия. Посредством этих нарративов раскрываются особенности характеров, внутренний мир героев, их мировоззрение, социальное положение, отношение к обществу. Введение в литературно-художественный текст образцов данных жанров обусловлено желанием поэта максимально реалистично изобразить человеческие типажи, их речь, ситуации, в которых герои находятся.

Речевые жанры благословения и проклятия, которые нашли реализацию в сатирических стихотворениях Сабира, придают последним неповторимый национальный колорит. В них отражается давняя вера народа в магическую силу слова. Но все эти архаические элементы вводятся в текст, чтобы высветить проблемы современной поэту жизни. Известный исследователь Дж. Хандан, изучая образцы фольклора, используемые в творчестве Сабира, пишет: «Ни в одном из его произведений фольклор не используется в целях напоминания о прошлом как демонстрации наследования народного творчества. Современные проблемы занимают настолько большое место, что создаётся ощущение, будто всё написанное служит современным целям ... <...> Человеку кажется, что эти слова созданы не тысячу лет тому назад, а именно в этой ситуации, в это время» [Хандан, 1962, с. 379].

Так, в одной из сатир отец выражает в гневе своё недовольство тем, что сын, желая научиться хорошо читать, делает это вслух. Он проклинает жену, которая настояла на том, что сын должен получить образование:

*Tutsun corəyim gozlərinin agu qarasın,
Ey həmsəri-bədxah!*

*Haşa, oda yaxmaz ana istəkli balasin,
Kəssin seni Allah!* [Сабир, 1980, с. 392].

Подстрочный перевод:

Пусть хлеб мой будет бельмом

На твоих зрачках.

Мать дитя родимое не бросит в очаг,

А тебя, будь ты проклята, накажет Аллах!

В данном случае автор использует сразу три проклятия, бытующие в народе: *бельмом покроются зрачки, будь ты проклята, накажет Аллах*.

Есть сатиры, в которых проклятия обращены героем как бы к самому себе. Так, известное в народе выражение *да чтоб иссохли твои лёгкие* обращено к самому себе:

*Bir həbbə zərər yetsə pula, odlanırsız biz,
Yansın ciyərim! Dövləti yandırmaq olurmu* [Там же, с. 514].

Подстрочный перевод:

Когда дело касается хоть самую малость траты денег, мы негодуем.

Да чтоб иссохли мои лёгкие! Возможно ли, чтоб иссохло государство.

Герой сокрушается по поводу того, что приходится тратить деньги и, проклиная себя, твердит *да чтоб иссохли лёгкие мои*, потому что нельзя тратить накопленное, надо беречь запасы как зеницу ока. Таким образом, поэт выступает с сатирой в адрес скряг, которые не только не помогают народу, находящемуся в бедственном положении, но и себя лишают всяких человеческих благ. Исследование проклятий в творчестве Сабира были выполнено Дж. Ханданом [Хандан, 1962]. Напротив, благословения в творчестве Сабира не были исследованы в достаточной степени. Далее мы рассмотрим некоторые особенности жанра благословения в сатирических произведениях поэта.

В мифологически-магическом мировосприятии нет дистанции между словом и действием. Сабир, с большим мастерством включавший благословения в поэтический текст, таким образом знакомил читателей с нравственными устоями, желаниями, мечтами персонажей своих произведений и, самое главное, мольбами, обращенными к Творцу и силам природы. Реальные чаяния людей как представителей целого народа воплощаются в тексте в чисто сабиновском стиле.

Например, в произведении «*Qərinə-məğrifət qıl, ya İlahi*» («Прости меня, О Господи») ушедшего в мир иной шаха благословляют и желают ему покоя, а вновь пришедшему к власти — долгой жизни. Обращаясь к социально-политическим проблемам своего времени, Сабир показывает в произведении соблюдение всех требований ритуала благословения и чтения молитвы, хотя иногда отступает от правила и включает в текст благословение без упоминания имени Аллаха. В то же время поэт сатирически изображает действительность, иронизирует над чаяниями героя. Поэт в соответствии с ритуалом вначале говорит о чистоте того, кто совер-

шает молитву, а затем доносит до Бога свои молитвы в самых разных выражениях: он желает Шаху за все его дела попасть в рай, а оставшимся на его месте желает быть единым с народом. Повторяются слова *halal olsun*, что дословно означает ‘пусть будет халяль’, то есть пусть будет возможно то, что допустимо в исламе, при этом слова *halal olsun* носят иронический оттенок.

Сабир включает в сатирические тексты и народные приметы, которые также являются ценным источником сведений о мифопоэтических традициях народа и могут являться объектом исследования, поскольку у азербайджанского народа имеется множество примет, которые до сих пор не изучены. Одной из них является чихание во время планирования какого-то дела, при этом имеет значение, сколько раз человек чихнул: один или два. Если человек чихнул один раз, говоря о каком-то задуманном им деле, то это признак того, что успеха не будет, а если два, то все сложится хорошо.

Сабир в своих сатирах подвергает осмеянию эту примету. Так, в одном из стихотворений он иронически говорит о *tək səbir* (‘чихнуть один раз’) как о «большой беде»:

*Ta gəlirik biz də bir az anlayaq,
Məhzəri- irfanda vurur tək səbir* [Сабир, 1980, с. 114].

Подстрочный перевод:

Только хотим что-то понять,
Как со всех сторон раздаётся один чих.

В своем стихотворении он подчеркивает, что эта примета широко распространена не только в Азербайджане, но и на всём Кавказе и именно в значении прогноза неудачи.

*Yalxı bizi eyləməyib müptəla,
Səfheyi — Qafqazı tutub bu bəla,
Qaxda, Qazaxda, Şəkidə bərməla
Şişədə, Şirvanda vurur tək səbir* [Там же].

Подстрочный перевод:

Не только нас захватила эта беда,
Но и весь Кавказ.
В Кахе, Казахе, Шеки и вместе с ними
Шуше, Ширване — везде раздаётся один чих.

Таким образом, малые жанры, которые имеют фольклорно-мифологические корни, такие как проклятие, благословение, примета, широко используются в сатирических стихотворениях Сабир с целью показать те недостатки людей и человеческого общества в целом, которые мешают им идти вперед, поскольку предполагают не самостоятельное созидательное действие человека, а упование на древние традиции.

4. Заключение

Азербайджанский поэт-реалист Сабир вводит в тексты своих сатир речевые жанры и образы, основанные на мифопоэтической традиции. В его произведениях высмеиваются пороки отдельных людей, общества, подвергается резкой критике мракобесие, невежество. Упоминание мифологических существ (хортдан, дамдабаджа, джин, джан, Баба Яга и др.), описание их влияния на людей нацелены на то, чтобы сатирически представить те негативные черты как отдельного человека, так и общества в целом, которые мешают их развитию, реализации возможностей изменить жизнь к лучшему, поскольку над людьми довлеет мифологическая вера в зависимость судьбы от внешних сил.

Сабир вплетает в ткань своих произведений тексты малых фольклорно-мифологических жанров, среди которых мы выделили для анализа в данной статье проклятие, благословение и примету. Стихотворения поэта реалистично отражают и веру людей в магическую силу слова (проклятие, благословение), и веру в могущество высших сил, которые управляют жизнью человека (приметы).

В сатирах Сабира представлены разнообразные человеческие типы и авторская разоблачительная позиция по отношению к ним. Глубокое понимание особенностей жизни азербайджанского народа, знание фольклора и мифологии, желание помочь людям посмотреть на свои недостатки со стороны через смеховую форму критики, поэтический язык, понятный и близкий читателю, сделали Сабира выдающимся поэтом своего времени.

Источники

1. *Сабир М. А.* Хофопнаме / М. А. Сабир. — Баку : Писатель, 1980. — 558 с. (*Sabir M. Ə. Hophornamə* / М. Ə. Sabir. — Bakı : Yazıçı, 1980. — 558 s.)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байдилли Дж.* Турецкий мифологический словарь / К. Бейдилли. — Баку : Наука, 2003. — 408 с. (*Baydili C. Türk mifoloji sözlüyü* / C. Bəydili. — Bakı : Elm, 2003. — 408 s.)

2. *Байрамова Н. Ю.* Мирза Алекпер сабир в творчестве Расула Рзы / Н. Ю. Байрамова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 2. — С. 181—183.

3. *Гаджиев Т.* Сабир : источники и предшественники / Т. Гаджиев. — Баку : Писатель, 1980. — 173 с. (*Hacıyev T. Sabir : qaynaqlar və sələflər* / T. Hacıyev. — Bakı : Yazıçı, 1980. — 173 s.)

4. *Заманов А.* Терпение и современность / А. Заманов. — Баку : Азернешр, 1973. — 282 с. (*Zamanov A. Sabir və müasirləri* / A. Zamanov. — Bakı : Azərnəşr, 1973. — 282 s.)

5. *Каграманова У.* Сабир и первые классики XIX века / У. Каграманова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2012). — Т. 25 (64), № 2-2. — С. 174—178.

6. *Кочарли Ф.* Библиография / Ф. Кочарли. — Баку : Издательское полиграфическое предприятие ООО «Zərdabi LTD», 2014. — 89 с. (*Köçərli F. Bibliografiya* / F. Köçərli. — Bakı : «Zərdabi LTD» MMC Nəşriyyat Poliqrafiya müəssisəsi, 2014. — 89 s.)

7. *Крылов В. Н.* Мифопоэтика в литературно-критических статьях русских символистов / В. Н. Крылов // II Международные Бодуэновские чтения : Казанская лингвистическая школа : традиции и современность (Казань, 11—13 декабря 2003 г.) : Труды и материалы :

в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань : Издательство Казанского университета, 2003. — Т. II. — С. 163—164.

8. *Мамедгулузаде Дж.* Память / Дж. Мамедгулузаде. — Баку : Издательство Хана, 2015. — 152 с. (*Məmmədquluzadə C. Xatiratım / C. Məmmədquluzadə.* — Bakı : Xan nəşriyyatı, 2015. — 152 s.)

9. *Саххат А.* Избранные произведения : в 2 томах / А. Саххат. — Баку : Издательство «Лидер», 2005. — 456 с. (*Səhhət A. Seçilmiş əsərləri. İki cildə / A. Səhhət.* — Bakı : Lider nəşriyyatı, 2005. — 456 s.)

10. *Хандан Дж.* Художественные особенности творчества терпения / Дж. Хандан. — Баку : Азербайджанское государственное издательство, 1962. — 435 с. (*Xəndan C. Sabir yaradıcılığının sənətkarlıq xüsusiyyətləri / C. Xəndan.* — Bakı : Azərbaycan Dövlət nəşriyyatı, 1962. — 435 s.)

ROLE AND FUNCTIONS OF FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL ELEMENTS IN THE WORK OF M. A. SABIR

© **Khanym Rza kzy Sultanova (2020)**, PhD in Philology, Vice-Rector, Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan), sultanovaxanim@gmail.com.

The folklore and mythological traditions in the works of the outstanding poet-satirist of the late XIX — early XX centuries M. A. Sabir are considered in the article. It is noted that modern Sabirovology unites scientists from Azerbaijan, Russia and other countries who turn to the study of the poet's works. The results of the analysis of a number of poetic works of Sabir, in which the author uses folklore and mythological elements as a technique that enhances the satirical sound of his texts are presented in the article. The author believes that Sabir, thanks to the inclusion of representatives of the demonic world (*hordan*, *damdabadzha*, *djinn*, *djann*, *Baba Yaga*) among the characters, emphasizes the power of influence on people of belief in otherworldly forces, thus ridiculing inertness of thinking, unwillingness to develop, to keep up with progress. It is shown that Sabir creates realistic negative social types: money-grubbing, ignorant, etc. Special attention is paid to small folklore and mythological genres (curse, blessing, omen), which emphasize a person's faith in the magical power of the word. It is noted that the study of folklore and mythological elements in the satirical works of Sabir has a perspective.

Key words: mythopoetic elements; satire; reception; mythological characters; samples of Azerbaijani poetry; mythological texts; written literature; folklore.

MATERIAL RESOURCES

Sabir, M. A. (1980). *Khofopname* [Hophopname]. Baku: Pisatel'. 558 p. (In Azerb.).

REFERENCES

- Baydili, Dzh. (2003). *Turetskiy mifologicheskiy slovar'* [Turkish mythological dictionary]. Baku: Nauka. 408 p. (In Tur.).
- Bayramova, N. Yu. (2013). Mirza Alekper sabir v tvorchestve Rasula [Mirza Alekper Sabir in the works of Rasul Rza]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of Humanities and natural Sciences], 2: 181—183. (In Russ.).
- Gadzhiev, T. (1980). *Sabir: istochniki i predshestvenniki* [Sabir: sources and predecessors]. Baku: Pisatel'. 173 p. (In Azerb.).
- Kagramanova, U. (2012). Sabir i pervyye klassiki XIX veka [Sabir and the first classics of the XIX century]. *Uchenyye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Ver-*

- nadskogo. Filologicheskiye nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological science], 25 (64) / 2-2: 174—178. (In Russ.).
- Khandan, Dzh. (1962). *Khudozhestvennyye osobennosti tvorchestva terpeniya* [Artistic features of creativity of patience]. Baku: Azerbaydzhanskoye gosudarstvennoye izdatelstvo. 435 p. (In Azerb.).
- Kocharli, F. (2014). *Bibliografiya* [Bibliography]. Baku: Izdatelskoye poligraficheskoye predpriyatiye OOO «Zardabi LTD». 89 p. (In Azerb.).
- Krylov, V. N. (2003). Mifopoetika v literaturno-kriticheskikh statyakh russkikh simvolistov [Mythopoetics in literary and critical articles of Russian symbolists]. In: *II Mezhdunarodnyye Boduyenovskiy chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' (Kazan', 11—13 dekabrya 2003 g.): Trudy i materialy: v 2 t.* [II International Baudouin readings: Kazan linguistic school: traditions and modernity (Kazan, December 11—13, 2003): Works and materials: in 2 volumes], II. Kazan': Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. 163—164. (In Russ.).
- Mamedguluzade, Dzh. (2015). *Pamyat'* [Memory]. Baku: Izdatelstvo Khana. 152 p. (In Azerb.).
- Sakhkhat, A. (2005). *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 tomakh* [Selected works: in 2 volumes]. Baku: Izdatelstvo «Lider». 456 p. (In Azerb.).
- Zamanov, A. (1973). *Terpeniye i sovremennost'* [Patience and modernity]. Baku: Azerneshr. 282 p. (In Azerb.).